

ПАЛАТА № ?..

Рассказ

Больной с некоторых пор начал понимать, что с ним происходит. Он знал, что болен, слышал все, о чем ему говорили врачи и медперсонал, но по-прежнему не мог рассказать о себе и ответить на вопросы. Он выполнял все предписания, добросовестно посещал процедурные кабинеты, пил лекарства и очень хотел как можно скорее выздороветь, начать снова говорить и вернуться к своей семье. Только по вечерам он не торопился принимать медикаменты. Ему особенно нравилось время, когда медсестра, положив на его тумбочку очередную порцию лекарств, уходила в другие палаты. Разноцветные таблетки и капсулы сиротливо лежали нетронутыми, а у него начинался праздник фантазий. Был это бред больного или действительность, он точно не знал. Что-то напоминало ему прошлое, что-то было вымыслом. В его ночном мире не было дежурных улыбок санитаров и врачей, забывалось, что он болен, и все, в том числе он, говорили на одном языке и, самое главное, понимали друг друга.

Вчера он был в детстве. В большом яблоневом саду чувствовалось приближение осени. Деревья украсились разноцветьем листьев. Еще висели на ветках краснобокие яблоки апорта и желтовато-зеленые лимонки. Ранетка усыпана мелкими, с голубиное яйцо, плодами, которые все почему-то называли раечками. Время снимать их. Мать наварит варенья, и длинными зимними вечерами оно будет подаваться в глубокой чашке к чаю. Под деревом стояли трое. Мужчина в рубашке с короткими рукавами, в соломенной шляпе, в брюках с отутюженными стрелками и в сандалиях на босу ногу. Рядом женщина в розовом платье с белым отложным воротничком. Ее волосы плотно зачесаны назад и заплетены в косу. Между ними мальчик. Одну его руку сжимает отец, другой он сам держится за большой палец матери. Волосы на голове коротко острижены. Новые брюки, купленные на вырост, подпоясаны ремешком, и складки под ним расходятся от бедер в стороны, делая туловище снизу непропорционально толстым. Рубаха в клетку застегнута на все пуговицы. Тесный воротник врезался в шею, но мальчик на это не обращает внимания. Он счастлив, радостно улыбается. Там, перед ним, священнодействует фокусник с треногой. На треноге стоит деревянный аппарат. Объектив закрыт черной крышкой, и за черного цвета полотном полностью скрылась голова фокусника. Он обещал, что скоро вылетит птичка. Но птичка мальчика не интересует. Вон их сколько прыгает, летает, чирикает в саду. Его занимает само священнодействие человека у треноги, и он испытывает нетерпение: увидеть результат трудов фотографа. Фокусника-фотографа уважают все. Во дворе и у ворот уже толпятся соседи, которые тоже хотят сделать семейные фотографии. Мальчик, помогая нести треногу от фотоаппарата в сад, решил, что, когда вырастет, будет фотографом. Вот из-под черного полотнища высунулась голова, правая рука что-то быстро и незаметно поменяла в ящике, левая рука грациозным движением сняла крышку с объектива, плавно описала замысловатый зигзаг и водрузила ее снова на место. Никто и не заметил, что перед самым моментом, когда открылся объектив, сорвалась раечка с ветки и упала на голову мальчика. Боясь спугнуть прекрасное мгновение рождения фотографии, опасаясь все испортить, мальчик, несмотря на довольно-таки

сильный удар, не пошевелился и не моргнул. Так и осталась навечно фотография, где двое взрослых людей держат за руки маленького мальчика с застывшей на его макушке маленькой хвостатой раечкой. Там, в реальной жизни, мужчина часто возвращался в яблоневый сад, в тот праздничный день. Фотография долго хранилась у него. Она была как талисман. Всегда, когда ему было трудно, он доставал ее из альбома. Вот уже с год, как фотография куда-то исчезла. И весь этот год был бессмысленным, наполненным какой-то ненужной суетой и неудачами.

Больной лежал с открытыми глазами на койке и ждал. Куда уйдет он сегодня? Кто придет к нему? Будет это его прошлое или обыкновенные цветные фантазии? Он не мог управлять своим воображением. Оно было самостоятельным. Сейчас он оказался в аэропорту. С ним родные. За окнами лютует непривычно холодная зима, а здесь, в стеклянном аквариуме, жарко. Будущие пассажиры самолета радостно оживлены. Через узкую дверь еще видны провожающие. Те, кому удается найти своих в толпе, пытаются переброситься с ними словом. Но ответов не слышат, как, наверное, не слышат сказанного стоящие за дверью. Но главное не слова, главное – увидеть в последний раз своих родных и друзей, с которыми неизвестно еще когда встретишься. Наконец, открылась дверь на улицу, и возбужденная, вспотевшая масса людей ринулась к автобусу занимать места. Одного автобуса не хватает. Оставшиеся пассажиры, не вместившиеся в автобус, не хотят возвращаться в «предбанник» и, несмотря на мороз, терпеливо ждут его возвращения на улице.

От этой картины больного охватывает чувство растерянности. Было ли все действительно так, когда уезжал, он не помнил. От того времени у него остались в памяти большой шумный аэропорт другой страны, долгая езда в комфортабельном автобусе, маленькая комната с двухъярусными койками, вкусно пахнущая столовая и отсутствие привычного хлеба на столах. Лагерь. Воспоминания о нем усиливают тревогу. С чем это связано? Может быть, с тем мрачным кирпичным зданием, куда им надо было ходить и где сидели угрюмые и вечно озабоченные люди и задавали вопросы, на которые следовало отвечать на правильном немецком языке. Эти люди сами не слишком-то заботились о правильности своей речи, но болезненно реагировали, если их не понимали или кто-то начинал говорить на своем диалекте, с вкраплениями в него русских, казахских или украинских слов. Там, в этих кабинетах, он впервые почувствовал немоту. Нет, он говорил как мог, как учили его родители, но чувствовал себя немым. Это чувство всё нарастало. И когда после его корявых фраз кто-то из чиновников начинал криво усмехаться, вдруг забывались слова, язык не мог выговорить простейшее, и ужас немоты заполнял все его существо.

Больному было тяжело вспоминать о первых симптомах болезни. Хорошо бы снова вернуться в детство. Детство – это лучшее, что было у него в жизни. Он сидит за партой. В класс входит молодой мужчина. Дети дружно встают и после того, как мужчина с ними здоровается, садятся. Старая учительница ушла на пенсию, и директору пришлось спешно искать замену. Учитель-новичок выглядел комично. На голове торчат в разные стороны рыжие волосы, нос длинный и горбатый, узкий, как клинок сабли, подбородок закругляется к шее, тыльная сторона ладоней усыпана рыжими пятнами, на блеклых невыразительных глазах сидят нелепые старомодные очки. Он гнусавил, и ученикам трудно было его понять. После первой же сказанной им фразы в классе заулыбались, а через полчаса смеялись уже без зазрения совести, издеваясь над безуспешными попытками донести учебный материал. Оказывается, чтобы в детях навсегда убить желание изучать немецкий язык, не нужно прилагать больших усилий. Надо только взять на работу бесталанного учителя. Через полгода он уволился, после чего немецкий язык вообще вычеркнули из расписания.

«Зачем опять об этом, – подумал больной. Что, сегодня урок немецкого?» Он встал с кровати и вышел в коридор. В окно напротив двери его палаты билась ветка липы. Где-то в щель с тонким свистом проникал ветер с улицы. Над затихшей

на ночь дорогой светились фонари и, покачиваясь на ветру, бросали мимолетные лучи на окна. В свете фонарей четко выделялись белые прямоугольники парковочных мест возле супермаркета, где стояла забытая владельцем одинокая машина. Когда приходила бессонница и больной уставал от нашествия неуправляемых картин прошлого, он выходил в коридор и садился на пластиковый стул у двери в комнату, где в свободное время отдыхали санитары. Если дверь была неплотно прикрыта, можно было слышать доносившийся разговор. Больной понимал все, о чем говорили. Вчера дежурили двое мужчин. Один был высок ростом и жирен. В самом прямом смысле слова. Жировые складки скрывали шею, жир нависал над бедрами, отчего широкая рубаша необыкновенно большого размера вываливалась вместе с жиром из белых рабочих брюк и висела на нем, как на чучеле. Даже его короткие толстые пальцы оставляли на предметах и одежде неприятные жирные отпечатки. Он работал в отделении для буйных. Там его все боялись, и поэтому, несмотря на большой вес и неприятный запах пота, врачи его ценили. В комнате отдыха он часто рассказывал о происшествиях в его отделении. Вчера он поведал своему коллеге, вдвое меньшему и худощеому, как скелет, о новом пациенте, появившемся в отделении. «Он укусил меня за руку. Идиот! У меня же кожа толще, чем у бегемота. Когда врач вышел на пару минут, я ему куском поливального шланга два раза по ребрам съездил и кулаком по зубам. Не так сильно, конечно, а то зубы вылетят. Отвечай потом. Так, слегка. Когда кровь с губ вытирал, сидел уже смирный».

Сегодня дежурили два студента. Они учились в университете и подрабатывали в свободное время. Больные, кто был более-менее в себе, их любили. Студенты были беззлобны и терпеливы. Не хамили и добросовестно относились к работе. Один из них знал русский язык и, если выходил из комнаты, спрашивал по-русски у сидящего больного: «Как дела, земляк?» – и, заранее зная, что ответа не получит, уходил по своим делам, не заставляя больного возвращаться в палату. Студент, наверное, хорошо понимал психику больного и оставлял его в покое. И действительно: тишина ночи, негромкие голоса из-за двери успокаивали возбужденное воображение, сознание, отдохнув, уходило в другой мир. Часто здесь, у двери, к нему приходило будущее. Конечно же, он это себе только представлял. Как можно увидеть будущее?! Но картины, проплывавшие в его больном мозгу, казались ему будущим. Он идет по широкой дороге, от которой к горизонту перекинута разноцветная радуга. Он входит, как на мост, на эту радугу и его окружает разноцветное сияние. Вокруг летают птицы, ходят звери, ползают насекомые, которых он не видит, но чувствует их и уверен, что они не сделают ему зла. А у горизонта, где радуга упирается в небо, ждет его что-то непонятное, но хорошее. И от предчувствия этой встречи душа наполняется радостью, а сердце начинает взволнованно стучать, как тогда в саду перед фотообъективом.

После того, как исчезла радуга и успокоилось сердце, он просидел еще с полчаса, прислушиваясь к голосам из-за двери. Ему важно было не то, о чем говорили. Важен был сам звук человеческого голоса, возможность узнавать слова, понимать их и проговаривать в себе. Вспомнив, что скоро начнет ночной обход сестра, он ушел в палату. Больной знал, что сестра, обнаружив невыпитые лекарства, будет сердиться, и тогда в палате останется атмосфера озлобленности и недовольства, которая всю оставшуюся ночь будет угнетать его сознание. Поэтому он выпил лекарства, лег в постель, тщательно укрылся и стал ждать их действия. Он погружался в безразличие. Сознание сворачивалось улиткой. Он проваливался в какую-то спиралеобразную яму и летел без эмоций и без ощущений, ничего не ожидая и ничего не желая.

Всегда, если больной принимал лекарства поздно, он тяжело просыпался утром. Его соседи по палате, давно закончив утренний туалет, до завтрака занимались кто чем, а он все карабкался по спиральям ямы, чтобы наконец выйти наверх к утренней суете: сердитому ворчанию смывного бачка в туалете, холодной воде умывальника, к переложенной колбаской булочке и остывшему кофе в столовой,

к бесконечному и бессмысленному хождению больных по коридору. Пересиливая себя, он сделал все необходимое и после завтрака сидел на своем любимом месте у двери в комнату дежурных санитаров. Студенты, закончив смену, ушли. Две пожилые и уже с утра усталые женщины втягивались в привычный рабочий ритм. Утром было особенно много работы. Кого отвести на процедуры, кому поменять белье, кого помыть под душем. Большинство больных не понимали, что с ними происходит, и послушно давали себя уводить в лечебные кабинеты, подставляли ягодицы для уколов, снимали одежду, если нужно было переодеться, – и с равнодушными лицами возвращались в коридор или в свою палату.

В палате с ним лежали еще трое. Как и он, они не были больны безнадежно. В первые дни после появления больного они пытались его о чем-то спрашивать, но, не получая ответа, прекратили попытки. Только турок, у которого начисто пропала память, продолжал с ним разговаривать. Он говорил на своем родном языке, и никто его не понимал, но все внимательно слушали длинные монологи и иногда, когда считали это уместным, согласно кивали головой или улыбались. Этот крестьянин из пригородного села был сильно чем-то напуган. Укрывшись с головой больничным одеялом, он наблюдал за дорогой, ведущей от железной ограды больничного корпуса, или следил за домами у супермаркета. Пару раз он указывал на слуховое окно одного из домов, откуда торчала забытая кем-то палка, утверждая, что это снайперская винтовка, из которой его должны убить. Третий сосед постоянно смеялся или плакал. Вот уже несколько дней, как он становился все серьезней и задумчивей. Истерический смех или плач слышались все реже. Он стал во время обхода задавать врачам вопросы, и, очевидно было, что его скоро выпишут.

Дни больного ходили друг на друга. До обеда приходил врач и задавал вопросы, на которые больной не отвечал. После обеда санитарка увела его на обследование в специальный кабинет, где ему навешали проводов на голову и снова пытали вопросами. Он понимал их, но со временем научился на них не реагировать. Только внутри происходило что-то странное, и мозг вместо ответов выдавал какие-то цветные картины. Если вопрос задавался громким голосом и с нетерпением, внутри все сжималось и перед глазами расплывались черные круги. Он не любил эти процедуры. Только с одной женщиной-врачом ему было хорошо. Она не задавала вопросов, говорила мягким грудным голосом, и в ее интонации не сквозили нотки нетерпения. Ее немецкий язык был ему понятен, доходил до сознания и успокаивал. Перед глазами возникала светлая радуга и в душе возникало праздничное чувство. Похожее чувство появлялось, когда к нему приезжала жена или когда он в ночных блужданиях возвращался в детство.

Дни проходили в особом пространстве. Время он измерял не часами, а этапами настроения. Утром, карабкаясь вверх из своей ямы и умываясь, он ожидал чего-то нового; за завтраком или обедом приходило чувство домашнего уюта; визит врачей оставлял ощущение вроде не до конца решенного кроссворда, когда почти все слова отгаданы, но из-за двух-трех слов он так и остается нерешенным; беседы в процедурных кабинетах оставляли хаос и растерянность – не считая, конечно, встреч с женщиной-врачом. Между этими этапами были паузы, когда нужно было принимать лекарства. После чего он проваливался все в ту же спиралеобразную яму, и сознание отключалось: не было настроения, не было цвета – не было ничего. Пустота. Вакуум.

Поэтому он старался, когда была возможность, откладывать прием лекарств на более позднее время. Днем это не получалось, а вечерами иногда удавалось. Он понимал, что лекарства ему нужны для лечения. Необходимое количество пилюль и капсул, рано или поздно, нужно принять – но все равно с нетерпением ждал вечера, чтобы отдаться во власть воображения. Ночные путешествия помогали ему понять, что с ним происходит. Не оглушенный лекарствами мозг усиленно работал и искал причину болезни. Ему казалось, что именно в это время процесс выздоровления шел наиболее интенсивно.

Снова наступил вечер. Опять сиротливо лежали на прикроватной тумбочке лекарства. Медсестра поправила на больном одеяло и ушла в процедурную. Им опять стало завладевать воображение. В последние дни картины всё более походили на реальность. Решать, о чем ему вспоминать, где оказываться в ночных полетах, он по-прежнему не мог. Вот и сейчас вдруг замельтешили эпизоды прошлого, которые были ему неприятны. Общежитие. Общая кухня. Женщины готовят обед. Он помогает жене разделять курицу. Все говорят по-русски. Входит чиновник из бюро. «Какие вы немцы?! – грубо, чуть не криком, прерывает он веселую болтовню женщин. – Вы никогда не научитесь говорить по-немецки, если будете продолжать общаться между собой по-русски. Прекратите этот русский базар!» Выходя, уже в дверях, чиновник раздраженно проворчал: «Russe Penner», – и с силой захлопнул дверь. В кухне повисла тишина. Женщины, боясь смотреть друг другу в глаза, ни за что оскорбленные, занимались своими кастрюлями, сковородками, тестом, картошкой, мясом. Он, единственный мужчина на кухне, чувствовал на себе короткие взгляды женщин, и ему делалось стыдно. Как будто это он оскорбил и унизил их. Им снова овладела немота, в горле появился комок, мешавший произносить слова, и даже воздуха стало мало и приходилось учащенно дышать, чтобы заполнить вдруг опавшие легкие.

Когда дыхание успокоилось, он вдруг очутился в посольстве Германии в Алматы. В пришедшем от родственников вызове оказалась ошибка в фамилии, и прежде чем идти в ОВИР, ее необходимо было исправить. На прием к консулу вытянулась длинная очередь. Терпеливо простояв в ней полтора часа, вошел к консулу. Он говорил с консулом так, как будто и всю жизнь говорил по-немецки. Видимо, это было связано с поведением самого консула. Тот говорил на чистом литературном языке, произносил слова внятно и не проявлял нетерпения, когда говорил, пусть с ошибками, его собеседник. Чувство уверенности в себе, которое возникло у него после визита к консулу, вдруг вернулось к больному. Он встал с кровати и вышел в коридор. Было еще не поздно. Вперив отсутствующие взгляды в пространство, бесцельно бродило несколько больных. Он прошел несколько метров к своему любимому месту у двери в комнату персонала. Стул был не занят, он сел, откинул голову назад и закрыл глаза. Увидел себя в большом кабинете. Его спрашивают о чем-то. Он все понимает, но, как всегда в последние дни, не может ответить. Он знает ответ, знает слова, которыми надо отвечать, но они остаются внутри и не выходят. Он немой! Там, за дверями кабинета, ждут родные. Они на него надеются. Из кабинета выходит растерянный мужчина, в его глазах ужас. Родные говорят ему что-то, но он их не слышит и ответить не может. Мало того, он перестал их видеть. Из этого кабинета он вышел окончательно больным. Он не помнил, что происходило дальше, и очнулся только здесь, в психиатрии. В первые дни ему было тяжело осознавать, что он психически болен. Ему хотелось говорить, но голос не слушался, из горла не выходили звуки, и при попытках что-то сказать или ответить на вопросы накатывалось удушье, не хватало воздуха, и ему делалось плохо. Первые недели были особенно тяжелыми, но после месячного лечения стало легче. Он уже так не задыхался, а слушая вопросы и не отвечая на них, оставался спокойным. Днем, после всех процедур и между приемами лекарств, мысленно вел длинные диалоги с самим собой. Чаще всего он вел их по-немецки. И здесь он говорил грамотно, только иногда делал ошибки. Прислушиваясь к говорившим вокруг, он сопоставлял свою внутреннюю речь с речью санитаров, медсестер, врачей или больных и понимал, что мог бы говорить почти так же. Он старался, оставаясь наедине с собой, сказать что-нибудь вслух, но ничего не получалось. Звуки так и не выходили из горла, и только губы шевелились, как в немом кино.

Пришла санитарка. Приостановилась перед больным, заглянула в лицо, улыбнулась. После нее остался приятный запах смешанных с женским потом духов, которым пропитался ее халат за долгий рабочий день. Этот запах напомнил ему о жене. Завтра она должна приехать. Она приезжала в конце каждой недели. От

визитов в памяти оставались обрывки фраз, поцелуи при встрече и расставании и приятное чувство тепла. Больному захотелось вернуться в палату, принять лекарства, быстрее провалиться в яму и проснуться завтра. Предчувствие чего-то хорошего торопило его в палату, к мензурке с таблетками.

Утро оказалось не таким тягостным, как обычно. Он приветливо помахал рукой студенту-земляку, принявшему с утра дежурство. На приеме у врача с пониманием выслушал вопросы и, не сумев ответить ни на один из них, выходя, виновато улыбнулся. Врач сказал вслед только одно слово: «Прекрасно». Осталось хорошее настроение. До обеда было еще время. Больной подошел к окну и стал уже привычно наблюдать суету людей за дорогой у большого супермаркета. Рядом с ним остановился сосед по палате. Тот, что смеялся и плакал. Он искоса глянул на больного и сказал:

– Меня сегодня выпишут. В этот раз быстро вылечили.

Две минуты прошли в молчании.

– Несколько дней наблюдаю за вами, – снова заговорил сосед. – Мне кажется, у вас дело пошло на поправку. Состояние человека, который начинает понимать, что он лечится в психиатрии, я знаю. Уже четвертый раз здесь. Когда в первый раз начал выздоравливать, тоже чувствовал себя идиотом. Казалось, что все пальцем показывают на меня и говорят: «Вот он, псих». А потом понял, что зря себя этими мыслями извожу. Все, кто здесь лечится, больны, и к этому надо относиться так же, как к любой другой болезни. Никто же не издевается над теми, у кого мигрень или печень больная. И ещё вот почему я стал спокойно относиться к своей болезни. Там, за стенами больницы, думаете, ходят здоровые люди? Посмотрите, как они суетятся и торопятся. Для людей деньги стали важнее всего. Они отдают свои лучшие годы, чтобы сделать карьеру. Многие убивают время у телевизора или компьютера. Одни, имея миллион, хотят иметь два и просаживают в рулетку последний цент. Другие ради своей идеи-фикс лишают жизни десятки и сотни тысяч. В одной части света умирают в нищете целые нации, в другой несметные деньги выбрасывают в толпу. И что интересно, эта толпа ради мелких денег, летящих дождем с неба, опускается до скотского состояния. Чуть ли не в каждой новости речь идёт об убитых или умерших от голода и жажды детях. Убить человека стало так же просто, как убить кошку или собаку. Там, за стенами клиники, психические больные, там большая больничная палата. А мы здесь, в клинике, от них отдышаем.

Сосед грустно улыбнулся и пошел в палату собирать вещи.

После обеда один из студентов провел больного в специальную комнату, где уже ждала жена. Она, как обычно, поцеловала его. Когда они сели рядом, он взял ее левую руку в и прижал к груди. Она давно не знала таких нежностей, и на глазах ее выступили слезы счастья.

– Тебе уже лучше? – с надеждой спросила она.

Он торопливо закивал головой. Женщина несколько минут сидела молча, наслаждаясь теплом рук мужа. Стараясь не шевелить левой рукой, она правой полезла в сумку и достала фотографию.

– Посмотри, что я нашла в томике Пушкина, – и протянула фотографию мужу.

Он отпустил руку жены и двумя руками схватил фотографию. Это была та фотография, из детства. Она изрядно пожелтела. Но на ней все так же ясно различались женщина в розовом крепдешиновом платье, мужчина в шляпе и отутюженных брюках и мальчик с хвостатой раечкой на голове.

– Мама! – отчетливо и громко сказал больной.

Студент, который привел еще одного больного в комнату, повернулся в их сторону и по-русски сказал:

– Ну, земляк, ты даешь! Говорить начал! Скоро выпишут!